

Лебедь, перелетевший через океан

Памяти американского музыковеда –
петербуржца Альфреда Свана (1890–1970)

О. И. Молкина

«Глубокоуважаемые Гуси-Лебеди!

Мы приезжаем в Филадельфию в день концерта, в 12 час[ов] дня, и уезжаем после концерта в 12 час[ов] ночи того же дня, ибо на следующий день денной концерт в Бостоне.

К сожалению, и на этот раз нам к Вам приехать не удастся, но мы рассчитываем, что вы не откажетесь посетить нас после концерта в нашем „артистическом“ отеле.

*До свидания!
С. Рахманинов».*

Э

Это послание, полученное в апреле 1933 года, Гуси-Лебеди бережно хранили вместе с другими письмами великого композитора, с которым их многие годы связывали дружеские отношения.

К моменту их первой встречи с Рахманиновым¹ в Нью-Йорке Гуси-Лебеди уже почти пять лет, как «перелетели» через океан и обосновались в стране, язык который был вторым (а, скорее, даже первым) родным языком главного «лебедя» – Альфреда Свана.

Сван (Swan) по-английски «лебедь», и хотя в русской транскрипции фамилия звучала не совсем «поллебединому», все же симпатичная чета Сванов удостоилась от своего нового старшего друга именно такого прозвища, в котором слышались и сказочные русские мотивы, и обыгрывалась фамилия главы семьи, и подчеркивалась неразлучность и взаимная преданность Альфреда и Екатерины.

...Еще в начале XIX века первые Сваны приехали из Англии и осели в Петербурге. Отец нашего героя Альфред Сван был инженером и работал в Товариществе Российско-Американской резиновой мануфактуры, которое впоследствии получило название «Треугольник». В советские годы «Треугольник», на котором производили в том числе модные в те времена и всегда необходимые в российских условиях галоши, стал называться «Красным треугольником» и значительно расширил ассортимент продукции.

Когда в 1890 году у Альфреда Свана родился сын, его крестили в англиканской церкви и также назвали Альфредом. Учился юный Альфред в петербургской St. Katharinen Schule (школе Святой Екатерины), где все предметы преподавались на немецком языке, а высшее образование получал на родине предков, где изучал в Оксфорде историю и право. Умение свободно говорить как минимум на трех языках не показалось молодому юристу достаточным. Его манил язык, на котором можно было общаться со всем миром – язык музыки, и он продолжил свое образование в Петербургской консерватории, где учился по классу композиции. Среди учителей Свана были известные педагоги В. П. Калафати², А. А. Винклер³, В. Г. Каратыгин⁴. Сам Альфред неплохо играл на скрипке, и она всегда была его спутницей. Уроки игры на скрипке еще мальчиком он брал у некоего Леопольда Ланге, ученика знаменитого Ауэра⁵. А первые уроки фортепиано дала Альфреду его мать – блестящая пианистка, очень рано заметившая музыкальные способности сына⁶.

Юридическое поприще не привлекало Свана, хотя он и начинал работать нотариусом на бирже. Общению с деловыми людьми он предпочел общение с музыкантами, а из всех музыкальных жанров ближе всего ему (англичанину по рождению!) были русские народные мелодии и древние церковные песнопения.

Помимо музыки, Альфред Сван-младший увлекся модными тогда идеями толстовства, стал вегетарианцем, посещал различные молодежные собрания и усердно пропагандировал свои новые взгляды. С удовольствием занялся Сван и работой с детьми, к тому времени лишенными заботы отцов, которые ушли на фронт, а некоторые – уже успели погибнуть. Внимание и дружеское расположение взрослого, но не утратившего детской искренности мужчины было необходимо этим детям, и они быстро привязались к своему доброму наставнику Альфреду Альфредовичу.

Вместе со Сваном работала девушка с длинными русыми косами. Ее звали Екатерина Резва́я, а эта фамилия говорила в то время о хорошем происхождении, которое, к сожалению, не всегда равняется хорошему достатку. Но Катю, разделявшую толстовские идеи, это вовсе не смущало.

Общие интересы и работа сблизили молодых людей, и вскоре Катя Резвая стала Катей Сван. Лето 1915 года молодые люди провели в пригороде Петрограда, работая в одной из летних детских колоний. Так назывались тогда прообразы будущих пионерских лагерей, которые многие по неведению считают изобретением советской власти.

Любовь, молодость и музыка делали жизнь Сванов прекрасной, несмотря на политическую нестабильность, материальные трудности и неясные перспективы...

В 1917 году и без того нелегкая обстановка военного времени резко ухудшилась во всех отношениях. В октябре эйфория, связанная с февральскими событиями, сменилась разочарованием для многих думающих людей, которые предвидели, что нарушение принятого порядка жизни грозит стране и ее гражданам большими бедами.

Разруха, голод и угроза эпидемий, разгул анархии и попрание моральных устоев тяжело переживались всеми и не могли не коснуться Альфреда и Екатерины.

К весне 1918 года школы, в которых работали Сваны, закрылись. Работы не было.

Катя предложила провести весну и лето в более сытном и спокойном месте, где-нибудь на Волге. Молодой муж не возражал. Захватив с собой неизменную скрипку, Сваны отправились в путешествие, еще не представляя себе, чем оно вскоре обернется для них.

Однажды, обедая в вегетарианской столовой в Самаре, Сваны услышали, как кто-то пытается объясняться с персоналом на непонятном наречии с явно американским произношением. Понять, чего хочет этот человек, который искренне думал, что он говорит по-русски, было совершенно невозможно. Альфред предложил свою помощь, и с этого момента у Сванов появился новый друг.

Американец Байард Кристи работал в ИМКА⁷ и сейчас приехал в Россию, чтобы организовать помощь людям, оказавшимся в беде, в независимости от их политических пристрастий. Но обстановка быстро менялась, а с ней менялась и власть. В конце мая на Урале произошли события, которые в истории получили название «чехословацкий мятеж». Началась Гражданская война.

Когда Байарду надо было срочно ехать в Москву, он без колебаний доверил деньги и имущество организации Сванам, с которыми успел подружиться и вовлечь их в свою деятельность. Сам Байард больше не вернулся в Самару, потому что в Москве был сразу арестован и отправлен в тюрьму без всяких объяснений. Тем временем Красные снова стали наступать, и Сваны решили отправиться в Челябинск, где можно было работать в сравнительно более спокойной обстановке.

Группа сотрудников ИМКА на прогулке в Самаре. 1918 г. Альфред и Екатерина Сваны сидят (4-й и 5-я слева). Крайний слева, в очках – Байард Кристи. Фото из книги Дж. Сван «The Lost Children»

Незадолго до этого Сваны услышали странную историю, которая, возможно, повлияла на всю их дальнейшую судьбу... Чешские солдаты, которые ходили в разведку, случайно встретили группу плохо одетых детей разного возраста, совсем не похожих на местных крестьянских ребятшек. Солдаты на всякий случай решили узнать, кто это такие. Но, увидев людей в военной форме, старшие схватили за руки маленьких и тут же разбежались. Рассказ произвел на Свана впечатление. Он любил детей и всегда работал с ними с охотой и радостью. Эпизод с детьми произошел как раз недалеко

от Челябинска. Долго уговаривать жену Свану не пришлось. В битком набитом товарном вагоне они добрались до какой-то станции, откуда еще долго ехали на телеге прежде, чем попали в городок Миасс, красиво расположенный на восточном склоне Южного Урала, у подножия Ильменских гор. Но где искать этих, возможно, мифических детей, они не знали.

Помог, как это часто бывает, случай и вскоре Сваны поняли, что нашли тех самых детей, которых искали, и которые очень нуждались в помощи. Проблема была в том, что было их не полтора десятка, как рас-

Оркестр колонистов, созданный А. Сваном. 1919 г. Фото (копия) из семейного архива О. Молкиной

сказали чешские солдаты, а почти тысяча и были они разбросаны небольшими группами по разным местам Урала и Сибири.

Эти ребята оказались членами одной из таких же летних детских колоний, в каких недавно работали сами Сваны, поэтому их называли «колонистами».

Отправленные в Миасс на летние каникулы после трудной зимы 1917–1918 годов, колонисты оказались отрезанными от возможности вернуться к началу учебного года в Петроград и остались практически без средств к существованию, без теплой одежды и надежной крыши над головой. Воспитатели героически пытались бороться за выживание детей, в том числе и собственных, которых они взяли с собой, спасая от тягот петроградской жизни.

Местные благотворители чем могли помогали попавшим в беду детям, но помощь эта носила нерегулярный характер и не могла продолжаться бесконечно. Тогда воспитатели распределили ребят небольшими группами по разным деревням и крестьянским хозяйствам, позволив старшим самим зарабатывать себе на пропитание. Но приближалась зима, и рабочие руки уже не особенно нужны были крестьянам, а просто так кормить чужих детей они не хотели. Старшие девочки уже получали недвусмысленные предложения принять конфеты и сахар от солдат, выздоравливающих в местном госпитале. Воспитатели были в отчаянии, и Сваны поняли, что надо действовать быстро и решительно.

В Американском отделении ИМКА, которое само не располагало средствами для помощи такому количеству детей, Сванам посоветовали обратиться к Американскому Красному Кресту (АКК), который был организацией несравненно более мощной, и уже начал активно действовать на территории воюющей России. Представительство АКК находилось во Владивостоке. Туда и была срочно отправлена телеграмма с описанием ситуации и просьбой о помощи...

Помощник главы Сибирской комиссии АКК Райли Аллен был очень взволнован, получив телеграмму от ИМКА и сведения от своих сотрудников на Урале. Как и Сваны, он любил детей, хотя своих

не имел. Жена его оставалась в Гонолулу (Гавайи), откуда он недавно прибыл, отказавшись от должности редактора популярной газеты и от отличных карьерных перспектив. Журналистское чутье подсказывало ему, что именно в далекой России его ждут великие дела. Сейчас судьба давала ему такой шанс – взять на себя ответственность за сотни чужих жизней и, может быть, совершить главный поступок в собственной жизни.

Не сразу сумел Аллен убедить администрацию АКК взять русских детей под свое крыло. Но однажды Сваны получили долгожданную телеграмму, которая гласила: «Обо всех детях позаботится американский красный крест тчк встречайте первых представителей омске и получите деньги и одежду для детей»⁸.

Вскоре Сваны стали официальными представителями АКК и с головой ушли в новое дело. Железнодорожный состав с грузами от АКК, необходимыми для колонии, прибыл в Омск, и оттуда товары нужно было доставить колонистам. Сваны справились с этой задачей.

Труднее пришлось с проблемами воспитания. Одна из групп колонистов к зиме 1918-го года оказалась в городе Петропавловске, на границе с Казахстаном. Мальчишки поначалу ходили в местные школы, но вскоре они закрылись – здания передавали госпиталю. Подростки, оставшись без дела, совсем отбились от рук – начали курить, попробовали спиртное, не гнушались воровством продуктов на рынке. Их пожилой воспитатель не справлялся с ситуацией. На помощь ему пришел Сван, назначенный начальником Петропавловской группы. А на помощь самому Свану пришла... музыка. Не раз уже она помогала ему преодолевать трудности, отвлекала от тяжелых мыслей, не позволяла предаваться унынию. И на этот раз именно музыка оказалась спасительным средством.

Сван случайно узнал, что один из самых непослушных мальчишек, Ваня Семенов с удовольствием играет на балалайке. Колонисты, и особенно колонистки очень любили

Н. Метнер, А. Сван и А. Метнер.
Сент. 1948 г.

Фото из книги Н. К. Метнер.
Воспоминания. Статьи.
Материалы Сост. - ред., вступ. статья,
комментарии и указатели
З. А. Апетян - М.:
Сов. композитор, 1981.*

петь и танцевать, и любой аккомпанемент был для них хорош.

Разговорившись с Ваней, Сван предложил ему ни больше, ни меньше, как создать... оркестр. Ваня не мог поверить своим ушам. Он действительно был очень музыкальным мальчиком и мечтал научиться хорошо играть на каком-нибудь инструменте, но о каком оркестре могла идти речь, когда все они ходили оборванные и полуголодные?

Однако новый воспитатель Альфред Альфредович явно не шутил. И вскоре в колонии появились настоящие музыкальные инструменты. Американский Красный Крест, уже потративший на незапланированное предприятие немалую сумму, согласился выделить деньги и на это, вовсе не жизненно важное дело. В колонии появились мандолина и гитара, несколько духовых инструментов и даже прекрасный контрабас итальянской работы, правда без смычка. Но Ваня быстро научился играть на нем просто пальцами, как на гитаре.

Организация оркестра, обучение юных музыкантов, репетиции, требовавшие определенной дисциплины и умения подчиняться ди-

* Автор благодарит Л. Л. Ковалеву-Огороднову, которая помогла найти это редкое фото.

рижеру, в роли которого выступил Сван, отвлекли многих мальчишек от разных пагубных привычек, и постепенно обстановка в Петропавловской группе стала вполне нормальной.

Екатерина Сван подружилась с девочками. Они стали доверять ей свои маленькие секреты, советоваться, просто задушевно беседовать с этой обаятельной, образованной и доброй молодой женщиной, которая во многом заменила им старших сестер и мам, оставленных в далеком Петрограде.

Но однажды Альфред получил телеграмму из Англии, куда успела перебраться часть его семьи. Ему сообщали о кончине отца и о необходимости воссоединения с матерью и братьями. Катя очень переживала расставание со своими дорогими подопечными. С тяжелым сердцем уезжали Сваны, закрывая одну из самых трудных и ярких страниц своей совместной жизни.

Альфред Сван оставлял в колонии юного друга Ваню Семенова, с которым впоследствии не терял контакта всю жизнь. Иван вырос и стал настоящим музыкантом, работал в оркестре Малого театра оперы и балета в Ленинграде и играл на... контрабасе, правда, уже с помощью настоящего смычка. Рассказы старшего друга о музыке привели Ивана Борисовича к увлечению всей его жизни – он стал одним из известных в Ленинграде музыкальных коллекционеров, и многие экспонаты его коллекции были присланы ему Сваном.

Девочки-колонистки тоже не могли забыть свою очаровательную воспитательницу и многие из них долгие годы переписывались с ней... Но все это случилось намного позже...

Проводив Сванов, колонисты вскоре и сами отправились в путь, но не на запад – в Петроград, а на восток. Они проехали вместе с американским персоналом по Транс-Сибирской магистрали, по КВЖД, через Сибирь и Маньчжурию во Владивосток, затем, побывали в Японии, в Калифорнии, в Панаме, в Нью-Йорке, во Франции, в Финляндии. Вместо трех месяцев летних каникул, они провели 2,5 года вдали от родных, совершив за это время настоящее кругосветное путешествие, увидели множество удивительных вещей, познакоми-

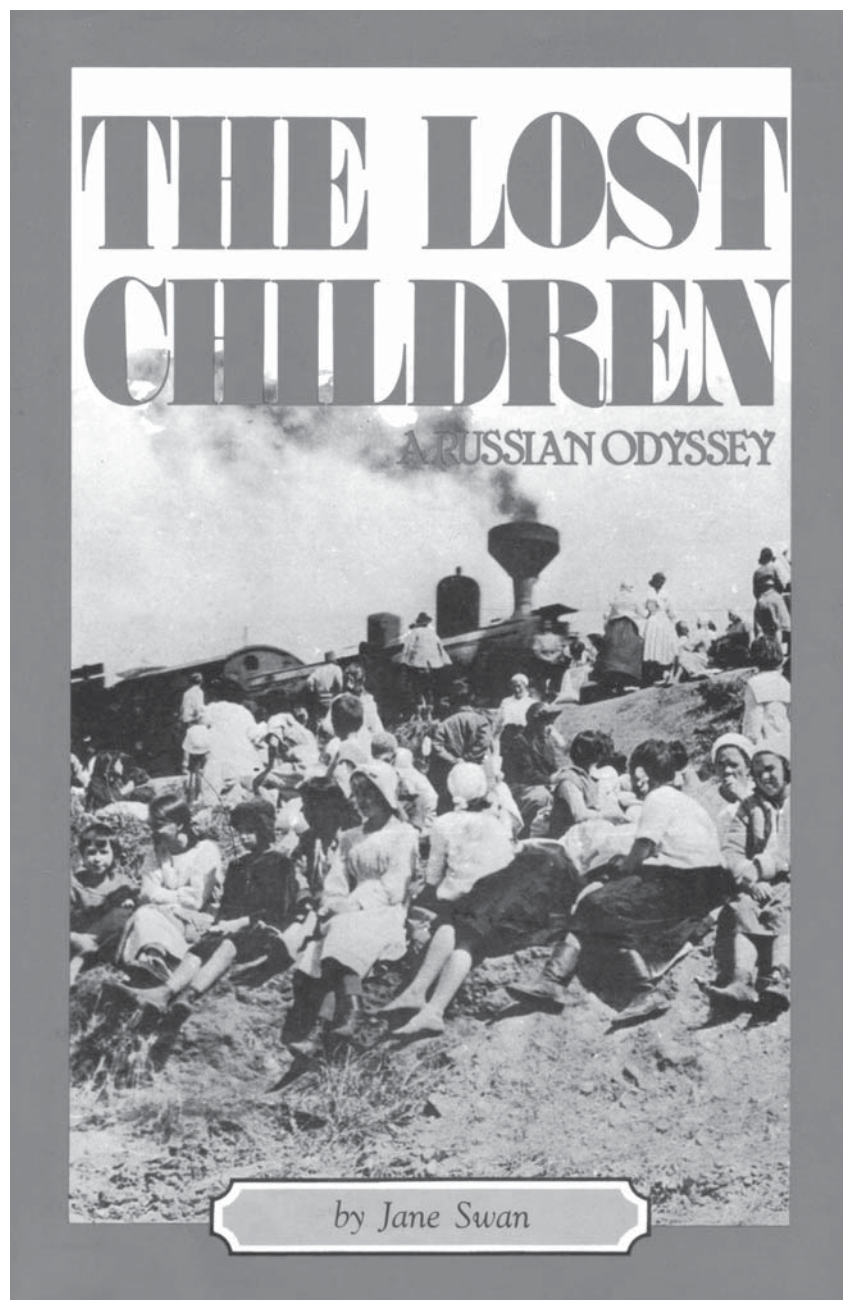
лись с прекрасными достойными людьми разных национальностей, поняли, что в мире нет границ, важнее, чем граница между добром и злом, и вернулись в свой родной город, на тот же Финляндский вокзал, с которого уезжали когда-то на каникулы, но только с другой стороны – с запада...

Так закончилась одна из самых удивительных эпопей XX века...⁹

Но вернемся к нашим героям. Уехав из колонии, Сваны еще некоторое время оставались в России, и вскоре покинули ее пределы. Как оказалось, навсегда...

Так случилось, что именно Америка стала тем местом, где Альфред смог заниматься тем, что интересовало его больше всего – древней русской музыкой.

В университете Вирджинии (University of Virginia) началась педагогическая карьера Свана. Он преподавал историю музыки (более всего русской), теорию, гармонию, композицию. Позднее он продолжил преподавание в колледжах Свортмор (Swarthmore) и Хаверфорд (Haverford), в котором работал практически до последнего дня...

Обложка книги Дж. Сван «The Lost Children. A Russian Odyssey»

Джейн Сван.
Фото из книги «The Lost Children»

Став одним из выдающихся специалистов в области древней русской музыки, Сван не ограничивал круг своих интересов этой темой. Он был очень разносторонен и с не меньшей увлеченностью занимался музыкой других эпох – от Средневековья до современности, «ориентируясь на свой безкорыстный вкус и просвещенный дух»¹⁰. Сван часто давал камерные концерты и организовывал концертные туры, собрал антологию русских народных песен, а также написал несколько книг, среди которых биографии А. Скрябина¹¹ и Н. Метнера¹².

Сван общался с выдающимися музыкантами и деятелями культуры. Среди его друзей и знакомых, помимо С. В. Рахманинова, были С. С. Прокофьев¹³, С. П. Дягилев¹⁴, С. А. Кусевицкий¹⁵, Н. Н. Метнер и многие другие. Его другом, коллегой и постоянным корреспондентом был известный ленинградский музыковед М. В. Бражников¹⁶.

Альфред Альфредович Сван, принявший в конце 30-х годов православие, к которому он шел осознанно всю жизнь, воспринимая его в том числе и через любимую им православную музыку, стал Альфредом Джулиусом Сваном. Здесь мы можем только повторить слова классика: «*What's in a name? That which we call a rose By any other name would smell as sweet*»¹⁷. Великий соотечественник Свана был прав. Смена имени никак не повлияла на личность Свана. Он оставался верен себе,

своим пристрастиям и принципам и никогда не забывал о Петербурге, в котором родились несколько поколений его семьи.

Сегодня, когда произошло очень значительное для культуры всей России событие – возврат из Гарварда колоколов Свято-Данилова монастыря, нельзя не вспомнить об одном из тех, кто способствовал их спасению. Когда в конце 20-х годов прошлого века большевики закрыли Свято-Данилов монастырь, великолепные колокола с его звонницы ожидала печальная участь – быть разбитыми на куски и переплавленными. Американский промышленник Ч. Крейн¹⁸ сумел договориться с советскими чиновниками (которые, надо сказать, не слишком сопротивлялись) о продаже колоколов и отправке их в Америку. Там они до недавнего времени и находились на колокольне церкви бизнес-школы в Гарвардском университете (Harvard University).

Альфред Сван. 1945 г.
Фото любезно предоставлено
Алексом Сваном

Однако сам Крейн, не имевший музыкального образования, вряд ли решился бы купить колокола, выложив за них немалую (по тем временам) сумму в 20 000 долларов, не будучи уверенным в их высоком качестве. Но мнения таких специалистов, как С. А. Кусевицкий (в то время главный дирижер Бостонского симфонического оркестра) и знаток русской духовной музыки А. Дж. Сван, убедило Крейна в том,

что он делает верный шаг, вкладывая свои деньги, а руководство Гарварда – в том, что следует принять такой замечательный подарок от мецената.

Вот что, в частности, писал Сван по поводу русских колоколов:

«<...> Их тон настолько замечателен потому, что в прошлые столетия колокольных дел мастера знали секрет, благодаря которому колокола в процессе производства приобретали специфическую мягкость и сочность тона <...>

Звон русских колоколов имеет превосходный, потрясающий ритм...»¹⁹

Катя и Альфред Сван. 1923 г.
Фото любезно предоставлено
Алексом Сваном

Так Сван еще раз участвовал в спасении достояния России: в первый раз этим достоянием были петроградские дети, во второй – прекрасные колокола, которые пережили долгие годы вынужденной эмиграции и наконец, вернулись на родину, уступив место копиям, специально выполненным в России для Гарвардской церкви...

Брак Альфреда Свана с Катей, к сожалению, был бездетным. Возможно, именно поэтому воспоминания о юных петроградцах, оставленных ими на попечение американцев, всегда так грели их души.

А. Сван рано овдовел, и через некоторое время женился на студентке по имени Джейн, которая изучала историю и так вдохновилась рас-

сказом учителя о его жизни и приключениях в России, что написала дипломную работу на эту тему.

В 60-е годы супруги Сваны дважды приезжали в СССР и встречались в Ленинграде не только с любимцем Альфреда Альфредовича Иваном Семеновым, но и с другими бывшими колонистами, которые, по понятным причинам, в то время старались не афишировать свою причастность к удивительной одиссее.

Уже после смерти А. Свана Джейн собрала воедино все интервью с колонистами, архивные документы и подробные рассказы

мужа и издала книгу, которая называется «The Lost Children: a Russian Odyssey» («Потерянные дети: русская одиссея»). В ней подробно рассказывается обо всех приключениях Альфреда и Екатерины Сван в качестве сотрудников сначала ИМКА, а затем – АКК.

Единственный портрет Альфреда Свана, который мне лично пришлось когда-либо видеть, находился в коллекции Ивана Борисовича Семенова и всегда стоял у него дома на почетном месте. Судьба так распорядилась, что Иван Борисович, как и его любимый учитель, не имел

своих детей, и коллекция после его смерти и кончины его жены перешла в руки неизвестных лиц, и следы ее теперь потеряны.

Но не все так печально. Я давно и тщетно разыскивала Джейн Сван. Этот номер журнала уже готовился к печати, когда пришло письмо от Алекса, ее сына от брака с Альфредом Сваном. Алекс любезно прислал фотографии своего отца, красивого мужчины с добрым взглядом – русского англичанина и американского музыковеда и композитора, родившегося в Петербурге...

¹ Рахманино Сергей Васильевич (1873–1943) – русский композитор, пианист, дирижер.

² Калафати Василий Павлович (1869–1942) – российский и советский композитор и педагог.

³ Винклер Александр Адольфович (1865–1935) – русский композитор, пианист, музыкальный критик и педагог.

⁴ Каратыгин Вячеслав Гаврилович (1875–1925) – российский музыкальный критик и композитор.

⁵ Ауэр Леопольд Семенович (1845–1930) – венгерский, российский скрипач, педагог, основатель русской скрипичной школы.

⁶ Professor Alfred Julius Swan and His Contribution to Russian Orthodox Music by Dr. Marina V. Ledkovsky Paper presented at the 10th Annual Russian Orthodox Liturgical Music Conference, San Francisco, October 1996: – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.roca.org/OA/165/165e.htm>.

⁷ ИМКА (YMCA – Young Men's Christian Association) – Христианская Ассоциация Молодых Людей. Основана в Англии в 1844 году для пропаганды здорового образа жизни среди молодежи. Основатель ИМКА простой приказчик в магазине мануфактуры Джорж Вильямс задался целью дать возможность малообразованным и необеспеченным молодым людям вместо соблазнов улицы познакомиться с Библией и молитвой.

Ассоциация также открыла свои отделения в Канаде и в США. Целью организации было улучшение духовного, умственного, социального и физического состояния молодежи. Члены американской ИМКА работали по всему миру.

⁸ Цит. по: The Lost Children: a Russian Odyssey. By Jane Swan. South Mountain Press, Inc., Publishers Carlisle, Pennsylvania, 1989. С. 20. Перевод автора.

⁹ Подробнее об одиссее спасения петроградских детей Американским Красным Крестом см.: Молкина О. И. 800 русских детей американца Алена // История Петербурга. 2005; Молкина О. И. Над нами Красный Крест. СПб.: Остров, 2007.

¹⁰ Professor Alfred Julius Swan and His Contribution to Russian Orthodox Music by Dr. Marina V. Ledkovsky Paper presented at the 10th Annual Russian Orthodox Liturgical Music Conference, San Francisco, October 1996: – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.roca.org/OA/165/165e.htm>.

¹¹ Скрябин Александр Николаевич (1871–1915) – русский композитор, пианист.

¹² Метнер Николай Карлович (1879–1951) – русский композитор.

¹³ Прокофьев Сергей Сергеевич (1891–1953) – русский и советский композитор.

¹⁴ Дягилев Сергей Павлович (1872–1929) – русский театральный, художественный деятель, антрепренер, организатор «Русских сезонов» в Париже и труппы «Русский балет Дягилева».

¹⁵ Кусевицкий Сергей Александрович (1874–1951) – выдающийся контрабасист, русский и американский дирижер.

¹⁶ Бражников Максим Викторович (1904–1973) – музыковед-палеограф, исследователь древнерусской музыки.

¹⁷ «Что в имени? То, что зовем мы розой, И под другим названьем сохраняло б Свой сладкий запах!» В. Шекспир. «Ромео и Джульетта» (перевод Т. Щепкиной-Куперник).

¹⁸ Чарльз Ричард Крейн (Charles Richard Crane) (1859–1939) – американский предприниматель и филантроп.

¹⁹ Цит. по: Инна Симонова. Чарльз Р. Крейн как вдохновитель и спонсор покупки колоколов Данилова монастыря для Гарварда: – [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.danilovbells.ru/bellsonrussia/bellscoring/charlz_krejon_kak_vdohnovitel/.